

УДК 81'36
ББК 81.02

О ЗАВИСИМОСТИ ФОРМ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

О.В. Коробова

В статье представлена методология когнитивного подхода к изучению форм глагольного управления; в результате сравнительного анализа форм управления глаголов, описывающих события ментальной деятельности в немецком, английском и русском языках, выявлены признаки соответствующих событий, значимых для носителей указанных выше языков.

Ключевые слова: глагольное управление, языковое сознание, сигнификативные интерпретации, фрейм, пропозиция, семантика.

Современная лингвистика характеризуется антропоцентризмом, выражающимся в возможности трактовать язык как способ репрезентации представлений человека об окружающей действительности. В соответствии с этим каждая значимая языковая единица одновременно отражает представление о некоем фрагменте действительности, то есть называет его, а также определяет место этого фрагмента в системе отношений, в которых человек видит мир, то есть указывает на то, как этот фрагмент мыслится [2, с. 16]. Такой подход к рассмотрению языковых единиц позволяет по-новому охарактеризовать явления грамматики, в том числе и глагольное управление.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных описанию структурных признаков и особенностей управления, данное явление до сих пор не получило в языкознании однозначной трактовки. Как известно, под глагольным управлением понимают такую подчинительную связь, при которой зависящее от глагола имя стоит в форме кос-

венного падежа, и при этом создаются объектные или восполняющие отношения (либо отношения комплексные – объектно-восполняющие или объектно-определяющие) [5, с. 25]. Эта связь рассматривается в рамках двух направлений лингвистики – традиционной грамматики и вербоцентрической теории предложения.

Представители традиционного направления в русском языкознании (В.Г. Гак, А.М. Пешковский и др.) интерпретируют управление как реализацию сочетаемости слов. При этом сочетаемость трактуется как способность слова окружать себя определенным набором распространителей [там же, с. 14]. Данная способность зависит от нескольких факторов (в частности, от частеречной принадлежности слова), определяющих синтаксическое выражение сочетаемости в виде подчинительной связи – согласования, примыкания и управления. Глагольное управление рассматривается как основная разновидность подчинительной связи, реализующейся в сочетании глагола с существительным. В последние десятилетия, однако, появилась тенденция использовать, наряду с термином «сочетаемость», термин «валентность» [3, с. 119], заимствованный у Л. Теннера, который понимал под ним способность

глагола требовать для раскрытия своего значения определенного количества мест в предложении [6, с. 48]. Современное языкознание использует этот термин для обозначения способности слова присоединять к себе другое категориально вполне определенное полнзначное слово [1, с. 25].

Внесение корректив не изменило сути подхода к проблеме определения статуса глагольного управления. В рамках обоих направлений глагольное управление трактуется как семантически немотивированное синтактико-морфологическое явление, представляющее собой одну из форм реализации сочетаемости (в другой терминологической подсистеме – валентности). Однако тот факт, что глагольное управление характеризуется регулярностью и предсказуемостью форм своего проявления и при этом разные глаголы могут иметь одно и то же управление, тогда как один глагол способен управлять несколькими падежными или предложно-падежными конструкциями, дает возможность предположить: в основе данной подчинительной связи лежат некие семантические механизмы, позволяющие отражать мыслительное содержание посредством выбора формы управления глагола. Будучи значимой языковой единицей, каждая реализованная в существительном или местоимении форма управления глагола, с одной стороны, называет некий объект действительности, а с другой – интерпретирует его, приписывает ему определенную семантическую роль, задаваемую мышлением человека, описывающего данное событие.

Грамматический строй любого языка является специфической системой концептуализации мира, через призму которой его носители воспринимают и интерпретируют окружающий их мир [2, с. 14]. При необходимости описания какого-либо события наш мозг сначала соотносит его с одной из возможных сцен, представляющих собой единицы фиксации познания как результат онтологической категоризации действительности. Затем мы выбираем семантическую перспективу осмысления данной сцены. Под семантической перспективой рассмотрения любого события сегодня понимается система ментальных процедур обработки информации, поступающей в мозг: 1) интерпретация события через один

из семантических предикатов; 2) приписывание участникам события, попавшим в перспективу, определенных семантических ролей; 3) иерархизация с выдвиганием одного из участников события на роль логического предиката [4, с. 235]. В соответствии с этим мы представляем описываемую сцену в виде действия, процесса, состояния или качества, а также присваиваем онтологическим характеристикам семантические роли, определяем их количество и устанавливаем их иерархию. На следующем этапе происходит подбор глагола с соответствующей закрепленной за ним валентностью как зафиксированным в слове вариантом видения события. В завершение мы выделяем те смысловые оттенки, или признаки, в описании конкретного события, которые важны для нас в данный конкретный момент, что приводит к нескольким пропозициональным реализациям единой валентности, получающим разное морфологическое оформление. Выбор таких признаков может быть обусловлен несколькими факторами.

Ведущее положение среди них занимает, безусловно, сфера жизнедеятельности человека, к которой принадлежит та или иная описываемая сцена. Данный фактор обычно определяет некий общий для множества сцен признак, который зачастую репрезентируется на уровне предложения единой формой управления. Внутри же сферы жизнедеятельности такой объединяющий признак может конкретизироваться в зависимости от характера сцены, события в рамках сцены или объекта, описываемого в событии, получая в соответствии с этим иное синтактико-морфологическое выражение.

Очевидно, что вышеупомянутые факторы – влияние сферы деятельности описываемого события, характер сцены, к которой принадлежит отражаемое событие, специфика самого события и интерпретируемого объекта – в рамках вербализуемого события универсальны, как и концептуальные структуры интерпретации событий, то есть в той или иной мере принадлежат всему человечеству в целом и каждому индивиду в отдельности. С одной стороны, эта универсальность может объясняться тем, что все человечество наблюдает один и тот же мир. С другой стороны, само устройство мозга, его нейронные клетки и матрицы предполагают нали-

чие единых для всего человечества способностей – когнитивных, которые при соответствующем воздействии на них начинают развиваться, определяя умение человека абстрагировать получаемые знания.

Однако признаки, которые определяют этими факторами и ложатся в основу пропозициональных реализаций валентности, могут различаться от языка к языку.

Так, при описании событий размышления, относящихся к ментальной сфере жизнедеятельности, средствами немецкого, английского и русского языков на начальных этапах мыслительной подготовки к производству предложения не наблюдается никаких характерных для мышления носителей конкретных языков особенностей. Определенное событие категоризируется в сцене, участниками которой являются «мыслитель», «мысль» и «тема мысли». Затем этим участникам присваиваются семантические роли и подбирается глагол с соответствующей валентностью. Следует отметить, что сцена размышления большей частью концептуализируется через предикат действия. Конечно, это может быть и состояние, но в таком случае реализуется только *агенса* в позиции подлежащего, а нас интересуют объектные отношения, оформляемые управлением глагола. Помимо агенса в рассматриваемый фрейм входят такие семантические роли, как «объектив» и «результатив». Результатив концептуализирует «мысль» и обычно реализуется при помощи придаточного предложения, ср.:

Er dachte nicht, dass er zur Besprechung kommt (EVERMANN, S. 167);

I think they are late (HORNBY, p. 254);

Я думаю, что это правда (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, т. I, с. 112).

Объектив же как роль, присваиваемая в процессе концептуализации сцены размышления такому ее участнику, как «тема мысли», репрезентируется формами глагольного управления, причем чаще всего предложно-падежными конструкциями.

В немецком языке такой объектив может реализоваться при помощи двух предложно-падежных конструкций: *an Akk* и *über Akk*. Различия в употреблении этих форм объясняются онтологической спецификой описываемых

событий. При этом эксплицируются признаки *длительность/краткосрочность* действия и его *результативность/нерезультативность*.

Сигнификативная интерпретация объектива как темы мысли отражается на его представлении в пропозиции в предложно-падежной форме *an Akk* при таких глаголах, как *anklingen, denken, glauben, gemahnen, erinnern, zurückerrinnern, reflektieren*:

Dieter sollte besser an die baldige Hochzeit denken, als eifersüchtig zu reagieren (DAS HOLLYWOOD ARCHIV, S. 157);

Er glaubte an die göttliche Sendung des Traums ebenso wie das Volk der Bibel, in der einige Träume Teil des göttlichen Heilsplans sind (FINK, S. 94).

В этих примерах характеризуется простое мысленное обращение к определенному объекту без всякого анализа.

Другая пропозиция, реализующая единую валентность при отражении сцены размышлений, описываемой глаголами *denken, nachdenken, nachgrübeln, grübeln, nachsinnen, sinnen*, определяет представление объектива в предложно-падежной форме *über Akk*. Данная форма представления этого семантического аргумента используется при экспликации его как темы длительного размышления, анализа чего-либо с последующим выводом. Именно эта онтологическая специфика определяет особую сигнификативную интерпретацию объектива, что отражается на способе оформления этого семантического аргумента в языке:

Er dachte über die Worte des Lehrers nach (PEASE, S. 31);

Darüber habe ich schon oft vergeblich nachgegrübelt (DAS HOLLYWOOD ARCHIV, S. 262).

В приведенных примерах описывается длительное раздумье, анализ определенного фрагмента действительности, что и выражается предложно-падежной конструкцией *über Akk* для репрезентации темы мысли.

Итак, разная сигнификативная интерпретация объектива, результирующая в двух формах представления этого семантического отношения при отражении событий размышления, обуславливается в немецком языке необходимостью выражения признаков *результативности* и *длительности/краткости* размышления.

Для английского языка также характерна экспликация признака *результативности* / *нерезультативности* размышления. Сигнификативная интерпретация размышления как мысленного обращения к теме мысли, не подразумевающего принятия решения, отражается на его пропозициональном представлении в предложной конструкции с *of*, которую используют такие глаголы, как *bethink oneself*, *dream*, *think*:

*We're **thinking of** going to Venice for Easter* (HORNBY, p. 122).

В данном случае речь идет о мысленном представлении об определенном фрагменте действительности, не подразумевающем его реализации в действительности.

При репрезентации же событий размышления, обдумывания темы мысли, предполагающих принятие решения и обозначаемых глаголами *dream*, *think*, *speculate*, *ruminate*, *brainstorm*, *brood*, пропозиция, реализующая валентность этих глаголов, определяет использование для экспликации темы мысли предлога *about*:

*Will you lend me the money? I'll **think about** it* (HORNBY, p. 122);

*She's **thinking about** emigrating to Canada* (HORNBY, p. 122).

Эти примеры описывают события, в которых подразумевается результат мыслительной деятельности, о чем и сигнализирует употребление предлога *about* для репрезентации объектива.

Таким образом, для носителей как немецкого, так и английского языка важным при описании событий размышления оказывается признак результативности действия, а именно – принятие решения, вывод. При этом, однако, национальная специфика восприятия действительности носителями английского языка определяет необходимость экспликации еще и других признаков, уточняющих результативность таких событий. Глаголы *brood*, *cogitate*, *meditate*, *muse*, *ruminate*, *ponder*, *reflect*, *speculate* управляют конструкцией с предлогом *on*, интерпретируя размышление с точки зрения *сосредоточенности* на объекте мысли:

***Cogitate on** this problem and the solution shall come* (КОРТНИ, с. 109);

*Philosophers have **speculated on** the question of God for thousands of years* (HORNBY, p. 135).

В данных примерах актуализировано представление о сосредоточенности, предполагающей результат размышлений, что оформлено предложной конструкцией с *on*, обозначающей объектив как тему мысли.

Рассмотренные глаголы *brood*, *cogitate*, *ponder*, *muse*, *ruminate*, а также глаголы *mull*, *think* и *puzzle*, описывая размышление, представляющее собой решение задачи, используют для оформления отношений объектива предлог *over*, тем самым эксплицируя признак *проблемности*:

*The student was **cogitating over** the puzzle when his friend interrupted his thoughts with a loud greeting* (КОРТНИ, с. 109);

*We **puzzled over** her sudden departure* (HORNBY, p. 141).

Эти примеры представляют события как попытку решить проблемы, что и обуславливает использование предлога *over* для экспликации темы мысли.

Таким образом, для носителей английского языка важными, помимо признака *результативности/нерезультативности*, оказываются *сосредоточенность* как направленность на объект мысли и *проблемность* размышления.

Проблемность размышления эксплицируется формами глагольного управления также и в русском языке. Глаголы *думать*, *размышлять*, *раздумывать*, *мечтать* и некоторые другие реализуют объектив как роль, присвоенную теме мысли, с помощью двух предложно-падежных конструкций. При этом употребление разных предложно-падежных форм для репрезентации одного и того семантического аргумента определяет уже не только специфика сцены, актуализирующая признак *нацеленности на результат*, важным оказывается также признак *проблемности*, присущий описываемому объекту либо отсутствующий у него.

В соответствии с этим, использование перечисленными выше глаголами предложно-падежного управления *о* (*об*) для реализации объектива как роли, присвоенной теме мысли,

сигнализирует о том, что последняя интерпретируется как не требующая решения задачи:

Он думал о работе (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, т. I, с. 112);

Они мечтали о маленьком домике (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, т. II, с. 178).

В приведенных контекстах представлено мысленное обращение к определенным фрагментам действительности без нацеленности на результат и без необходимости решения проблемы или задачи. Такая сигнификативная интерпретация и определяет выбор предложно-падежной конструкции *о (об)* для экспликации объектива как темы мысли.

В то же время употребление предложно-падежного управления *над* для репрезентации в предложении темы мысли может подчеркнуть ее изначальную *проблемность*, детерминирующую нацеленность мыслительного действия на *результат*:

Он думал над задачей (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, т. I, с. 112);

Не имеет значения, как долго он будет размышлять над ответом (СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, т. III, с. 243).

В соответствии со сказанным можно установить, что национальная специфика восприятия действительности носителей русского языка определяет необходимость экспликации признаков *результативности / нерезультативности* и *проблемности* при описании размышлений.

Итак, при репрезентации событий ментальной деятельности, а именно размышлений, в немецком, английском и русском языках в качестве сигнификативного содержания, определяющего морфолого-синтаксическое оформление, выделяется общий признак *результативности / нерезультативности*. При этом, однако, для каждого из указанных выше языков характерны особенности сигнификативной интерпретации исходных семантических отношений, концептуализирующих соответствующую сцену. Для носителя немецкого языка релевантен признак *дли-*

тельности / кратковременности мыслительной деятельности, для носителя английского языка – *сосредоточенности*, для носителя русского языка – *проблемности* предмета мысли.

Таким образом, при помощи глагольного управления можно выразить значимую для конкретной языковой общности онтологическую специфику описываемых событий, определяемую национальными особенностями восприятия действительности, которые сформировались как результат длительного социально-исторического развития общества. При этом чаще всего специфические для конкретного языкового сознания сигнификативные интерпретации исходного семантико-синтаксического отношения закрепляются за аналитическими предложно-падежными формами глагольного управления, входящими, наряду с синтетическими, в состав парадигм семантико-синтаксических отношений субъектно-объектного типа. Глагол, будучи носителем валентности, называет событие в целом, определяя его денотативный план, а реализующие эту валентность падежи и предложно-падежные конструкции передают взгляд на событие, эксплицируя ракурс его рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 20–32.
2. Когнитивные аспекты немецкой грамматики / сост., ред. В. И. Кураков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 186 с.
3. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – М. : Рус. яз., 1995. – 176 с.
4. Кураков, В. И. Семантическая перспектива и ее значение для становления и интерпретации языковых явлений / В. И. Кураков // Предложение и слово. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – С. 233–237.
5. Русская грамматика : в 2 т. – Т. II. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
6. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
7. Fodor, J.A. The modularity of mind / J. A. Fodor. – Cambridge (Mass.), 1983. – 253 p.

ИСТОЧНИКИ

КОРТНИ – Кортни, Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь / Р. Кортни. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 2000. – 767 с.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.

DAS HOLLYWOOD ARCHIV – Das Hollywood Archiv. – Wien, 2000. – 347 S.

EVERMANN – Evermann, J. Das Lexikon der deutschen Soaps / J. Evermann. – Berlin, 2000. – 413 S.

FINK – Fink, G. Traumdeutung / G. Fink. – München, 1990. – 383 S.

HORNBY – Hornby, A. S. The Oxford Student's Dictionary of Current English / A. S. Hornby, Ch. Ruse. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. – 770 p.

PEASE – Pease, A. Warum Männer nicht zuhören und Frauen schlecht einparken / Allan Pease, Barbara Pease. – Ullstein, 2001. – 397 S.

**DEPENDENCY OF VERBAL GOVERNMENT
ON NATIONAL SPECIFIC CHARACTER OF REALITY PERCEPTION
(IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

O. V. Korobova

Methodology of cognitive approach to describing verbal government is presented in the article. Comparative analysis of governing forms of the verbs is carried out to show events of mental activity in the German, English and Russian languages and reveal events that are important for native speakers of the above-noted languages.

Key words: *verbal government, linguistic consciousness, significative interpretations, frame, proposition, semantics.*